

УДК 13 : 82-312.1

## **ИРОНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ФИЛОСОФСКОГО СКЕПСИСА В РОМАНЕ Р. МУЗИЛЯ «ЧЕЛОВЕК БЕЗ СВОЙСТВ»**

**Н. П. Худавердова**

Кубанский государственный университет

*кафедра зарубежной литературы и сравнительного культуроведения*

Статья посвящена феноменологии комического в романе Р. Музиля «Человек без свойств». Автор исследует такие аспекты философского осмысления в романе, как современная цивилизация, наука, отношение к религии, понятия добра и зла, морали и души. Вслед за ведущими философами своего времени Музиль признает и художественно воплощает концепцию кризиса культуры. Наиболее выразительной художественной структурой для выражения идеи кризиса становится гротескный и трагический образ расщепления мира на всех уровнях, знаменующий распад социума, личности, пространства.

**Ключевые слова:** *Роберт Музиль, австрийская литература, модернизм, комическое, трагическое, ирония*

Австрийская литература модернизма, одна из первых национальных литератур, остро ощутивших и отразивших рубежность своей эпохи, стала воплощением кризисного мировоззрения: «Под влиянием судьбоносных изменений во всех сферах жизни человек постоянно осознавал ненадежность, иллюзорность и даже механистичность внешнего мира» [1, с. 9]. Это справедливо и относительно романа Р. Музиля, в котором преобладающий иронический модус повествования был своеобразной формой философствования.

Размышления автора над причинами, приведшими целое государство к краху, воплощаются в комически переосмысленный философский план романа. Искаженная картина мира включает в себя онтологические, гносеологические аспекты. Изменившееся положение религии и науки оборачивается выхолащиванием понятий добра и зла. Использование комического модуса в философском плане объясняется обличающей, критической направленностью романа – «убивают не гневом, а смехом» [3].

Скептически-ироническое отношение к христианству как определенному мировоззрению объясняется кризисом религиозного сознания в целом, случившимся в Европе на рубеже XX века. Исповедующие «новое» мировоззрение жители вымышленного государства Какании (в котором легко угадывается Австро-Венгрия) находят христианские образы безнадежно устаревшими и не очень понятными. Немецкий промышленник Арнгейм в рассуждениях доходит до мысли о том, что необходимо «внести современное разнообразие в по-деревенски отсталую программу сада Эдема» [2, т. 1, с. 463]. Общественное мнение полагает, что талант вдруг объявившегося Христа был бы «недостаточно самобытен, а система мира недостаточно понятна, чтобы поставить его на одну ступень с дарованиями, в которых действительно видна искра божья» [2, т. 1, с. 297]. Образ Христа снижается в

романе до образа исторического деятеля. Он неоднократно упоминается в высказываниях персонажей вместе с именами Цезаря, Гете, Чемберлена, Наполеона. Более того, для Клариссы нет большой разницы, будет ли объявлен год Ницше, Христа, Будды, или ... Ульриха (гл. 82. «Кларисса требует года Ульриха»). Ирония несовместима с верой, она показатель демифологизации образов, освоения их обыденным, бытовым сознанием. Отрицательные компоненты демонстрируют неприятие аксиологической основы христианского учения.

Христианство как многовековой путь сохранения культуры и цивилизации не находит своего отражения в романе. В составленном генералом Штуммом кадастре современного духа христианство находится рядом с «империализмом» и «веком коммуникации» [2, т. 1, с. 423], промышленник Арнгейм определяет начало утраты ценностей и идеалов «со времен распада церкви» [2, т. 1, с. 639]. Во второй книге романа слово «христианство» не упоминается ни разу. Незначительная роль, отводимая христианской религии в романе, связана с утратой ею созидательной мировоззренческой роли. Уподобление христианства общественной формации говорит о переосмыслении крупнейшей мировой религии в закончившийся период человеческой истории.

Результатом отхода от христианского мировоззрения является мотив богооставленности, относящийся к трагическому подтексту романа. В отношении к человеку явственно различимы два соперничающих лейтмотива. Первый – это мотив оставленности человека, не оправдавшего надежд Творца и тем заслужившего страдания: «Ты как ненужный туман, как вытолкнутый при выдохе воздух, до которого Богу нет больше дела» [2, т. 1, с. 161]. Мотив реализуется не только через ощущения сиротства и одиночества, которые испытывают герои романа, но и через изображение атмосферы агрессивного, уверенного в своей ненаказуемости зла. Можно упомянуть и дьявольское «равнодушие мира» [2, т. 1, с. 502], и «состояние неопределенной атмосферной враждебности, которым насыщен воздух в наш век» [2, т. 1, с. 49]. Скептически настроенный повествователь представляет нам несовершенных, покинутых на произвол судьбы созданий, строго наказанных создателем вселенной – ветхозаветным Богом.

Второй мотив противоположен первому и заключается в выражении доверия к человеку, имеющему право на ошибки. Вставая на защиту человека, Музиль представляет его в крайне противоречивых состояниях: с одной стороны, им руководит искренняя потребность в вере: Ульрих, одаренный ученый, терзаясь невозможностью сформулировать смысл своей жизни, рассуждает о призрачном, прекрасном Тысячелетнем царстве; коммерческий гигант доктор Арнгейм велеречиво, но не без доли искренности, рассуждает о душе. С другой стороны, все это не находит реализации из-за эгоизма и сиюминутных интересов. Сложность человеческой природы вызывает к пониманию читателя. Восприятие человека как жертвы является базовой составляющей трагического плана романа.

Новое мировоззрение и идеалы человека получают в романе механическое, физиологическое, вещественное объяснение. Повествователь использует эпатажные, вызывающие протест определения: доброта – особая

форма эгоизма, нравственная свобода характера – «автоматически возникший умственный придаток к свободной торговле» [2, т. 1, с. 348], красота сводится к «хорошему пищеварению или здоровой жировой ткани» [2, т. 1, с. 349]. Подобный подход, открыто и иронично критикуемый повествователем, является основой антигуманных тенденций в цивилизации. Объяснение философских, духовных понятий как проявление особенностей физиологии или характера сводит их на нет. Невысказанные потребности души заставляют человека чувствовать неудовлетворенность, при этом «жесткие» структуры в романе – человеческое тело, силовые структуры государства – берут на себя не свойственные им ранее функции. Этот тематический аспект романа, приводящий в итоге к ядовитым газам и появлению военных летчиков, стоит на грани комического и трагического.

Иррациональный остаток в виде души и чувств проявляет себя лишь в литературе и искусстве. На этом фоне всеобщего расслоения и разложения связей мира функция искусства сжимается до услаждения, развлечения, украшения.

В романе постоянно возникают разговоры о морали. Это понятие подверглось распылению на множество разных моралей, что сводится в конечном итоге к противопоставлению новой и старой морали. Музиль разделяет *старую* на устаревшую, отставшую от изменившихся условий, и *старую* – вневременную, неустранимое ядро морали, существующее в любые времена. Под *новой* моралью позитивно понимаются зачатки морали, отрицающие устаревшую мораль, негативно понимается мораль как отсутствие всякой морали. Запутанность определений позволяет говорить о неопределенности и многослойности понятия. В этой ситуации категории добра и зла становятся относительными и неоднозначными. Разворачивая эту мысль, Ульрих заключает, что «это никакие не "константы", а "функциональные значения"» [2, т. 1, с. 60].

Персонажи романа ни о чем не знают наверняка, хорошо это или плохо. Это приводит к тому, что к дурному относятся с пониманием. Преступное, извращенное принимает личину психической неуравновешенности, сексуального отклонения, даже долга, а доброта представляется душевной ловкостью. Происходит не отрицание добра, а расширение его до всеохватности. Мир становится серым, эстетика безобразного протаптывает тропинку к полному приятию зла.

Эстетика распада в романе всеобъемлюща. Представленный в авторских размышлениях образ мира не только имеет черты духовного упадка, но и представляется хаотичным, лишенным внутренних связей. Мир разорван на части: «Высокие ведомства уже, собственно, олицетворяют собой разделение мира по таким главным его аспектам, как религия и просвещение, торговля, промышленность» [2, т. 1, с. 213]. Демонстрируют и дополняют картину духовного распада описания распавшегося пространства. Город видится состоящим из отдельных домов, кварталов, движущихся трамваев, темных переулков, связи между которыми произвольны. Дома, как вторая кожа или уютные халаты своих хозяев, не соединяются в улицы, а кажутся выломанными из пространства. Кварталы, в которых царит порядок, соседствуют с местами, опасными, как джунгли.

На протяжении всего романа повторяется парадоксальное требование об «отмене реальности» [2, т. 1, с. 333], выдвинутое Ульрихом в разговоре с Диотимой. В романе можно не только отменить, но и найти другую реальность: «Чудеса..., не что иное, как всегда имеющийся другой вид реальности» [2, т. 1, с. 637] – аллюзия к философии романтизма; или встретить еще одну реальность, которая притязает стать твоей. Иногда реальность утрачивает свои привычные черты, и персонажи видят экспрессионистскую или даже кубическую, гротескную и лишенную внутренних связей картину действительности: «Все эти линии, округлые, пересекающиеся, прямые, изгибы и сплетения, из которых состоит меблировка квартиры, <...> не были ни природой, ни внутренней необходимостью» [2, т. 1, с. 159].

Все это наталкивает на мысль о кажимости всего сущего. В согласии с Ницше Музиль замечает: «Искусственно создаем мы ослепление, благодаря которому умудряемся жить рядом с чудовищными вещами, признаем в замерзших гримасах космоса стол или стул, крик или вытянутую руку» [2, т. 1, с. 590]. Гротеск здесь перерастает в философию разомкнутости реальности, в мысль об отсутствии объективного мира, связанного хотя бы нашим восприятием. «Ирония – из трагедии "неизбежной антитезы", разрыва мира между действительностью и возможностью, между принципом реальности и возможности» [1, с. 15].

Важнейшими предметами философского осмысления в романе являются современная цивилизация, наука, отношение к религии и ее понятиям, понятия добра и зла, морали и души. Вслед за ведущими философами своего времени Музиль признает и художественно воплощает концепцию кризиса культуры; при этом в творчестве Музиля, как представляется ирония в традиции модернизма, является неклассическим способом философствования. Наиболее выразительной художественной структурой для воплощения идеи кризиса становится гротескный и трагический образ расщепления мира на всех уровнях, знаменующий распад социума, пространства, личности. Философские идеи появляются в романе не только в качестве основы художественной структуры мира, но и олицетворяются в отдельных образах («нищестанство» Клариссы, психоанализ в увлечениях Диотимы и Бонадеи).

Анализ философской функции комического у Музиля привел нас к констатации того факта, что комическое в романе практически никогда не вызывает смеха в чистом виде: как правило, это комизм отчаяния и понимания трагизма, такого глубокого, которым наполнены были Книги Пророков. Эсхатологические видения авторов ряда текстов библейских текстов неявным своим присутствием напоминают о существовании души и о конечности «дионисийских» плясок: «И сказал Бог Ною: конец всякой плоти пришел пред лице Мое; ибо земля наполнилась от них злодеяниями. И вот, Я истреблю их с земли» (Бытие 6: 13).

Философской функцией комического в романе является показ ментальных изменений, предшествующих распаду в общественном сознании и во внутренних душевных структурах отдельного человека. Механизм этих изменений можно определить, как отход от гуманных представлений о мире к антигуманному. Что выливается в ироническую дискредитацию Христианства

(снижение образа Христа до культурного деятеля и сопоставление Библии с рекламными буклетами), в представление о деятельности науки, как несущей зло и приближающей кошмар войны, смешение представлений о добре и зле.

### **Список литературы**

1. Мананникова, В. Г. Особенности экспликации художественной картины мира в модернистском повествовательном дискурсе первой половины XX века: на материале текстов австрийских писателей [Текст] : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / В. Г. Мананникова ; Балт. федер. ун-т им. И. Канта. – Калининград : 2011. – 24 с.
2. Музиль, Р. Человек без свойств [Текст] : в 2 т. / Р. Музиль ; пер. с нем. С. Апта. – М. : Ладомир, 1994. – Т. 1. – 752 с. – Т. 2. – 503 с.
3. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра [Текст] / Ф. Ницше. – Харьков : Фолио, 1999. – 34 с.

## **IRONY AS A TOOL OF PHILOSOPHICAL SCEPTICISM IN THE NOVEL "THE MAN WITHOUT QUALITIES" BY R. MUSIL**

**N. P. Khudaverdova**

Kuban State University

*The department of foreign literature and comparative culture studies*

The article is devoted to the phenomenology of the comic in the novel "The Man Without Qualities" by Robert Musil. The author explores in the novel such aspects of philosophical understanding as a modern civilization, science, attitude towards religion, notions of good and evil, morality and soul. Following the leading philosophers of his time Musil recognizes and embodies artistically the concept of culture crisis. The most expressive artistic structure to express the idea of the crisis is a grotesque and tragic image of splitting of the world at all levels, marking the collapse of society, personality, space.

**Key words:** *Robert Musil, Austrian literature, modernism, comic, tragic, irony.*

*Об авторах:*

ХУДАВЕРДОВА Надежда Петровна – старший преподаватель кафедры зарубежной литературы и сравнительного культуроведения Кубанского государственного университета (350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149), e-mail: nhudaverdova@mail.ru